

Религия

Русские католики в Харбине (20–30-е годы XX века)

© 2012

В. Колупаев

Статья приводит сведения о религиозной жизни русских эмигрантов в Китае. Для административной организации их церковных структур в 1928 г. Ватиканом был создан экзархат с центром в Харбине. В 1948–1949 гг. фактическое существование экзархата прекратилось в связи с арестами духовенства и мирян, оставшиеся на свободе смогли эмигрировать в Австралию и страны Латинской Америки.

Ключевые слова: Маньчжурия, русская эмиграция в Китае, католический экзархат в Харбине, русские католики византийского обряда

В жизни русской эмиграции религия становилась той силой, которая во многом формировала и сохраняла привычные устои жизни, помогала преодолевать невзгоды и трудности. Во всех странах русского рассеяния так или иначе представлены традиционные для России религиозные общины. Русская колония Харбина не являлась в этом отношении исключением. В Китае после 1917 г. продолжала работать Русская Духовная миссия в Пекине, продолжали служить нескольких православных епископов, в местах компактного проживания русских людей развивались религиозные социальные и образовательные структуры. Однако религиозная палитра русского Харбина не ограничивалась православием. Там существовали общины старообрядцев, пятидесятников, адвентистов, баптистов, выходцы из бывшей Российской империи были прихожанами нескольких лютеранских и римско-католических приходов¹. Свою церковь имели армяне; прибывшие из России мусульмане, в основном татары и кавказцы, построили мечеть. Наши соотечественники в Маньчжурии, с одной стороны, оказывались в среде, которая являлась продолжением привычной российской религиозной действительности, с другой — могли свободно наблюдать жизнь христианских миссионеров и функционирование туземных и европейских общин и монашеских конгрегаций. В этой многоконфессиональной среде появилась также группа русских католиков византийского обряда.

Первый их приход в Харбине был посвящен св. князю Владимиру — крестителю Руси. Настоятелем стал протоиерей Иоанн Коронин, перешедший в католичество из православия в 1925 г.² Этому событию предшествовало присоединение в 1923 г. к Католической церкви его сына, также бывшего православного протоиерея Константина Коронина (1881- 1923). Коронины оказались в Китае в 1922 г., перебравшись туда из Читы.

Колупаев Владимир Евгеньевич, доктор исторических наук, исследователь при центре «Христанская Россия», г. Сериате (Италия) E-mail: Rostkol@gmail.com.

Записи члена инициативной группы, положившей начало этому приходу, Виктора Власова сообщают, что «5/18 января 1925 г. отец Иоанн отслужил в местном католическом храме латинского обряда первую всенощную, а 6 января Крещенскую литургию — при громадном стечении молящихся католиков и православных... за литургией поминалось имя Вселенского Архиеерея Папы Пия XI, митрополита Андрея (Шептицкого) и Патриарха Тихона»³.

Затем в приходе некоторое время служил временный священник, присланный из Пекина, которого сменил присоединенный из православных о. Захарий Ковалев. Известно также, что в мае 1928 г. Православную церковь покинули архимандрит Николай Алексеев и диакон Георгий Гиц⁴. Всех их в общении с Римско-католической церковью принимал апостольский делегат в Китае архиепископ Келсий Костантини (Celso Benigno Luigi Costantini)⁵. Дела, связанные с обращением русских, были поручены ведению Комиссии «Pro Russia», которая, изучив имевшиеся материалы, приняла решение об учреждении в Харбине отдельной церковной структуры.

Из русской эмигрантской прессы тех лет мы узнаем о том, что в Харбине «был организован ординариат... с пребыванием курии в Харбине»⁶. Официальный ватиканский статистический ежегодник «Annuario Pontificio» сообщал: «Харбин [20 марта 1928], Китай. Ординариат для русских византийско-славянского обряда и для всех верующих восточного обряда: Монсиньор Фабиан Абрантович, из регулярных клириков мариан; назначен 31 марта 1928). Далее сообщался адрес: Residenza: Harbin, Staro-Harbinskoe ch., 78 (97), Matsia-kou⁷. Позже ординариат был преобразован в экзархат «Escarato Apostolico»⁸. Латинское слово «ordinarius», употребленное в этом сообщении, в церковно-каноническом смысле в данном случае соответствует греческому слову «hierarcha», которое на русский язык следует переводить как «правлящий иерарх». Экзархат же, согласно Кодексу канонов восточных церквей⁹, содержащему нормы канонического права, общие для всех восточных католических церквей, является первичной формой административного управления, предшествующей учреждению самостоятельной епархии.

Русская паства, встречавшая своего первого председателя, архимандрита Фабиана Абрантовича (1884–1942), состояла лишь из 18 человек¹⁰. О. Фабиан родился в Западной Белоруссии, образование получил в католических духовной семинарии и академии в Санкт-Петербурге, после рукоположения в 1908 г. служил в храме св. Екатерины на Невском проспекте и преподавал в Императорском училище правоведения. С 1912 по 1914 г. он учился на философском факультете Лувенского университета в Бельгии, где защитил докторскую диссертацию на тему «Философские концепции мировоззрения Н.О. Лосского». Вернувшись в Россию, молодой священник включился в общественно-интеллектуальную жизнь Санкт-Петербурга, которая в начале XX в. отличалась большой интенсивностью. Он принимал активное участие в деятельности многочисленных клерикальных и светских национальных организаций, одной из которых было «Христианское демократическое объединение». В мае 1917 г. он был одним из организаторов I съезда белорусских священнослужителей в Минске, в 1918 г. возглавил Минскую католическую духовную семинарию, в 1920 г. переехал на польскую территорию, в г. Пинск. Однако здесь начались трудности. Белорусскому священнику стало трудно работать в польской среде, «его отстранили от профессуры и совершенно не дали возможности работать и даже дышать родным воздухом»¹¹. В 1926 г. Абрантович был вынужден переехать из Польши в Литву и вскоре получил назначение на работу с русскими в Китае. С его прибытием для размещения курии были переданы здание католической миссии, здание колледжа при монастыре сестер урсулинок и приют для девочек сестер францисканок в Старом Харбине¹².

В 1933 г. архимандрит Фабиан был на родине, в Польше, куда приезжал на отдых из Китая. Белорусский церковный журнал «Да злучэньня» поместил статью Я. Урбана под названием «Праца для уніі у Манджу-Ді-Го»¹³, там же есть фото, где Абранто-

вич изображен в центре группы духовенства, среди них слева протоиерей Александр Сипягин, справа — князь Александр Волконский¹⁴.

В 1939 г. о. Фабиан вновь был в Европе: в Риме он отчитывался о своей деятельности, а также присутствовал на генеральном капитуле ордена марианов. Вместе с ним из Маньчжурии отправились двое выпускников лицея св. Николая в Харбине, Андрей Катков и Георгий Брянчанинов¹⁵. Осенью 1939 г. Абрантович из Италии направился в Варшаву и далее планировал ехать в Вильно, однако добраться ему удалось только до Новогрудка, где его застало начало Второй мировой войны. Абрантович был вынужден повернуть во Львов. 25 октября 1939 г. на пограничном посту Рава-Русская священник был арестован, на допросе 13 ноября в НКВД ему было предъявлено обвинение в том, что он «прибыл в Польшу из Японии со специальным заданием разведывательного характера под видом миссионера-духовника»¹⁶, к чему позже добавились «шпионаж в пользу Ватикана», связь с антисоветским движением в Польше, Белоруссии, на Украине и в Китае, «проповеди, направленные против коммунизма», «воспитание в католическом духе молодежи, начиная с малолетнего возраста»¹⁷.

После трех месяцев во Львовой тюрьме решением от 11 января 1940 г. о. Фабиан был направлен в Москву для дальнейшего следствия. Принимая из Львова следственное дело № 512 по обвинению в антисоветской работе по заданию Ватикана, руководство 4-го отдела Управления НКВД СССР г. Москвы поставило цель: «...выявить целиком его антисоветскую деятельность за границей, полностью выявить известную ему антисоветскую клиентуру из числа католиков и выявить методы работы Ватикана против СССР»¹⁸. Следствие велось с грубыми процессуальными нарушениями, сроки производства отодвигались. Обвинение было предъявлено 22 мая 1941 г. по статьям 58–4, 58–10, 58–11 и 84 УК РСФСР. Абрантович заявил в ответ на обвинение: «Никакой работы в разведках, как указано в некоторых документах следственного дела, не принимал... к никаким политическим организациям не принадлежал»¹⁹. 23 сентября 1942 г. особым совещанием Коллегии НКВД Фабиан Абрантович был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. На выписке из протокола Особого совещания есть карандашная пометка следователя — «Карлаг», однако фактически он умер в Бутырской тюрьме в Москве. Решением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 24 декабря 1992 г. за отсутствием в действиях Фабиана Абрантовича состава преступления он был реабилитирован²⁰.

В связи с арестом о. Фабиана Абрантовича на его место из Рима в 1939 г. был направлен архимандрит Андрей Цикото (1891–1952)²¹, до этого трудившийся в Белоруссии; в 1933 г. он был избран на пост генерала ордена марианов. После почти десяти лет работы в Китае, 22 декабря 1948 г. он был арестован китайскими органами общественной безопасности, а утром 25 декабря вместе с четырьмя другими священниками на китайско-советской границе передан в руки НКВД. В мае 1949 г. на закрытом заседании специальной комиссии НКВД в Москве Андрей Цикото был осужден на 25 лет, в ноябре 1949 г. вывезен в Тайшет. Умер он в тюрьме «Озерлага».

В 1929 г. в Харбин был прислан священник Диодор Валерьянович Колпинский²² (1892–1932), уроженец Пскова, выпускник Санкт-Петербургского университета и Григорианского университета в Риме. С 1915 г. он служил викарием (вторым священником) в храме святого Станислава в Санкт-Петербурге, в 1922 г. эмигрировал, жил в разных европейских странах, с 1927 г. преподавал богословие в Люблине. По прибытии в Харбин он стал первым директором лицея св. Николая, устроенного для обучения детей эмигрантов. С приездом о. Диодора стало заметно оживление в духовной жизни русской колонии, он налаживал отношения с русским обществом и печатью.

В 1931 о. Диодор переехал в Шанхай, должность директора лицея в Харбине с 1931 г. занял иеромонах Иосиф Германович. Ему помогал Павел Константинович Портнягин (1903–1977). Последний родился во Владивостоке, в период гражданской войны

эмигрировал в Китай, в 1924 г. был в Харбине, в течение двух лет путешествовал по Китаю. В 1926 г. он жил в Нижнеудинске, в октябре 1926 г. в Урге встретил Н.К. Рериха, от которого получил приглашение принять участие в Центрально-азиатской экспедиции. Весной 1927 г. в составе экспедиции «Миссии западных буддистов» отправился в Тибет. Сохранился дневник с записями Портнягина, где имеется автограф Н. Рериха. Дневниковые записи П. Портнягина открывают новые страницы истории поисков Н. Рерихом Шамбалы²³. С 1930 г. Портнягин начал работать в Лицее св. Николая, где преподавал русский язык. В 1932 г. он был послан для учебы в Рим, поступил в «Руссикум»²⁴, учился в Григорианском университете. Из-за проблем со здоровьем, вызванных переменной климата (он страдал астмой), Портнягин переехал в Чехословакию, где окончил духовную семинарию в Пряшеве, там же был рукоположен в сан священника восточного обряда. Вернувшись в Маньчжурию, он в декабре 1937 г. приступил к педагогической деятельности в Лицее св. Николая и в Конvente св. Урсулы, преподавал Закон Божий, русский язык и литературу, а после 1945 г. — и диалектический материализм, в 1938–1939 гг. был редактором «Католического вестника». В 1948 г. Портнягина арестовали и препроводили под конвоем в Читу. Постановлением Особого совещания при МГБ СССР 28 сентября 1949 г. он был осужден по ст. 58–4, 11 УК РСФСР (участие в белогвардейской организации) на 25 лет исправительно-трудовых работ, срок отбывал в лагерях Восточной Сибири. Освободившись в ноябре 1956 г. поселился в Самарканде. В сентябре 1959 г., узнав о приезде в СССР Ю. Рериха, Портнягин написал ему письмо, прося о помощи: «К моей ноге по-прежнему приковано невидимое, но осязаемое «ядро каторжника»»²⁵. Определением военного трибунала Забайкальского военного округа от 14 января 1960 г. П.К. Портнягин был реабилитирован.

С осени 1935 г. в Китае служил Владимир Мажонас, выпускник «Руссикума», с 1936 г. он стал редактировать ежемесячник «Католический вестник» в Харбине. Вместе с ним приехал Казимир Найлович²⁶. Последний родился в Лиде в семье отца-католика и матери-православной, стал преподавать в лицее. В 1943 г. он перешел в православие, работал учителем в Харбине, впоследствии был репатриирован в СССР, проживал в Челябинске.

В 1938 г. в Харбин прибыли новые священнослужители — Станислав Багович, Станислав Заремба и Антон (Казимир) Аниськович. В 1940 г. Аниськович уехал во Францию, где записался добровольцем в польскую армию, чтобы воевать против немцев.

В результате деятельности экзархата в 1928–1949 гг. были созданы следующие структуры: Церковное управление, храм св. Владимира, домовый храм в честь Воскресения Христова при Лицее св. Николая, монастырь отцов мариан в Харбине. По состоянию на 1935 г. в клире состояло пять иереев и иеромонахов, один иеродиакон, четверо монахов, четверо послушников, 12 монахинь ордена урсудинок и 14 монахинь ордена францисканок. Сестры-монахини опекали девочек в интернате. Количество мирян исчислялось в 150 человек²⁷. Не будучи замкнутыми в этнических границах людьми, священники-католики видели возможность миссии среди местного населения. «Китайская душа с ее богатой подоплекой весьма близка к христианству... И обряды, и церемонии весьма хорошо подходят к китайскому укладу жизни, ее стилю — только бы не имели места ни малейшее неуважение и ненужная торопливость. Думаю, что наш восточный обряд мог бы иметь в Китае большой успех, при условии, что он согласовался бы только с китайскими мелодикой и стилем»²⁸, — писал один из католических отцов. Однако, безусловно, основное их внимание было направлено на работу в русской колонии.

Местные китайские властные структуры и общественность в целом благосклонно отнеслись к новому учреждению, ценя в первую очередь образовательные и социальные программы, которые пользовались у местного населения большой популярностью.

Католический Лицей св. Николая, открытый в 1929 г., входил в систему русских учебных заведений, контроль над которыми через учебный отдел Департамента народно-

го благополучия пров. Биньцзян осуществляло Министерство народного просвещения, расположенное в столице «империи» Маньчжоу-го г. Синьцзин (совр. Чанчунь). «Лицей пользуется большими симпатиями широких общественных кругов», — отмечал в 1935 г. католический журнал²⁹. Лицей был создан, «чтобы обеспечить христианское образование для мальчиков большого российского эмигрантского сообщества, живущего в Харбине»³⁰.

Предыстория этого учебного заведения такова. В 1929 г. в Трехречьи (часть Манчжурии, примыкающая к советской границе) в результате военных конфликтов оказались сотни детей-сирот. На средства Католической миссии был открыт приют на 40 мальчиков, а девочек распределили по возможности между монастырями сестер урсулинок и францисканок. С 1931 г. Манчжурия подпала под японскую оккупацию, что принесло свои сложности: следствием проводимой японцами экономической политики стал массовый отъезд русских. Политическая и экономическая нестабильность приводили к тому, что не только увеличивалось количество сирот, но и появилось много нуждающихся детей в семьях с низким прожиточным уровнем. О положении русской католической общины, стоящей перед лицом такого рода трудностей, пишет в своей книге о. Иосиф Германович: «Миссия не располагала к этому времени достаточными средствами, тем не менее, была вынуждена основать интернат и школу для бездомных и лишенных средств к существованию детей»³¹.

Учебно-воспитательные заведения, созданные русскими католиками, были открыты для молодежи разных национальностей. «Помимо русских, в школах обучалось также небольшое число детей других национальностей — поляков, литовцев, немцев, армян, китайцев, грузин и прочих»³², — писал один из директоров этого учебного заведения.

Статистика тех лет говорит о том, что с конца 1929 г. по июнь 1930 г. через училище прошло около 60 чел. В 1932 г. при 85 учениках трудилось 15 чел. персонала. В 1933 г. на 94 воспитанника приходилось 19 служащих. В 1934 г. шестой учебный год начали 110 учащихся. Ведомости следующего, 1935 г., показывают 62 воспитанника и 12 чел. преподавательского и воспитательного состава³³. В 1936 г. в лицее обучались 109 воспитанников и работали 23 взрослых сотрудника³⁴.

Учебный процесс организовывался таким образом, чтобы максимально соответствовать образовательным стандартам досоветской России. «Программа окончательно была составлена применительно к программе русской классической гимназии Министерства народного просвещения, но усиленная преподаванием китайского и английского языков, а также с более обширным курсом отечественной истории», — читаем в документах тех лет. «Японский, китайский, английский языки, латынь, греческий и церковнославянский. Обучение религии, музыке и спортивные состязания дополняли программу»³⁵, — вспоминали бывшие ученики.

О том, каким образом была организована педагогическая часть лицея, можно судить по дошедшим до нас документальным свидетельствам. Успешному решению вопросов педагогического плана «в первую очередь способствовал удачный подбор педагогов, работающих жертвенно, несмотря на ничтожность получаемого ими содержания, которое и то приходится часто, за недостатком средств, задерживать»³⁶. «Лицей стоит в учебном отношении достаточно высоко, а постоянный приток учащихся со стороны объясняется также постановкой воспитания в христианском и патриотическом духе, имеющем целью выработку из воспитанников сознательных и твердых христиан и истинных патриотов своей Родины, лишенных однако чувства расовой или национальной ненависти и шовинизма»³⁷, — писал секретарь лицея в годовом отчете.

С 1935 г. начал функционировать исторический кружок, «поставивший себе целью изучение и популяризацию вопросов истории народов, философии, культуры, искусства и права»³⁸. Образцами его работы служат доклады на такие темы, как «Внешняя политика Москвы в XV веке», «История Английского парламента» и т.п.³⁹ В сотрудниче-

стве с историческим кружком католического лицея был подготовлен доклад харбинского старообрядческого протоиерея, что выглядит как весьма позитивный пример интереса к межконфессиональному диалогу⁴⁰.

К 1936 г. относится создание богословско-философского кружка⁴¹. В том же году в программу преподавания была включена такая дисциплина, как социология. Это было сделано с тем, «дабы дать в руки молодежи оружие против социалистической и коммунистической пропаганды»⁴². Также были «введены курсы обществоведения и политической экономики, дающие возможность воспитанникам... критически относиться ко всякой разрушительной пропаганде»⁴³, — читаем в «Католическом вестнике» за 1936 г.

Поощрялся творческий подход к работе. Педагогический персонал отличался профессионализмом и новаторством. Например, преподаватель рисования и черчения художник А.Н. Клементьев сделал для педагогического состава доклад на тему «Рисование и педагогика», в котором провел психолого-педагогический анализ рисунков в соответствии с определенными ступенями развития детей. Подобные доклады делались по инициативе директора о. Иосифа⁴⁴.

Для учебных целей были созданы физико-химический, географический и естественнонаучный кабинеты, приобретены кинематографический аппарат и радиоприемник. Любознательная молодежь занималась на специально организованных курсах радиотехники и электротехники.

В 1934 г. при лицее была открыта обсерватория. Занятия в обсерватории проводили не только для учащихся лицея, ее двери были открыты также для детей из других школ города⁴⁵. Позже она была открыта и для широкой публики, а при обсерватории начал функционировать кружок под руководством проф. Э.Э. Анерта.

Кружок любителей астрономии устраивал регулярные собрания, помимо этого организовывались специальные доклады, к которым широкая общественность Харбина проявляла большой интерес. Так, преподаватель В.А. Садиков сделал публичное выступление на тему: «Жюль Верн и его астрономические романы», а 19 января 1935 г. «кружок организовал наблюдение полного лунного затмения. Инженером В.Ф. Свенцицким любезно были предоставлены приборы для наблюдений»⁴⁶.

Предметом гордости учеников и сотрудников лицея была библиотека, книжное собрание которой насчитывало более 5000 томов на различных языках. В организации каталога и размещении библиотечного фонда была применена десятичная классификация — последнее достижение библиотечной науки того времени.

Помимо лицея библиотека обслуживала колледж сестер урсулинок и францисканок. Несмотря на закрытый характер библиотеки, администрация лицея не отказывала представителям русскоязычной и иностранной общественности города в пользовании книгами.

В лицее проводились благотворительные спектакли с целью сбора средств в пользу сирот и бедных воспитанников. Например, один из концертов, устроенный 18 февраля 1935 г., начинался с весьма патриотического произведения — «Коль славен» из оперы «Жизнь за царя». Далее публике предлагалась комедия Фонвизина «Недоросль». Присутствовали генералы и другие представители русской общественности. В печати появилось следующее замечание: «Вечер в посетившей его публике оставил приятное удовлетворение, воочию доказав, насколько высоко поставлены в лицее патриотическое и христианское воспитание подрастающего русского молодого поколения. В материальном отношении он дал также достаточный сбор, предназначенный для пополнения фонда на содержание сирот и недостаточных учащихся лицея»⁴⁷.

Старые русские праздники, имевшие церковное и общественное значение, не забывались эмигрантами, к этим дням добавились и самобытные, своим происхождением обязанные жизни собственно в диаспоре. Так, всезарубежный «День русской культуры» отмечала и русская католическая община в Китае. В этот день, 6 июня, проходили специ-

альные богослужения, затем публичные праздничные мероприятия. Эстрадные концерты, сценические постановки служили средством вспомнить лучшие достижения русской культуры и искусства. По словам одного из педагогов лицея, такая активность — не «только вернейшее средство для охраны молодежи от дурного влияния улицы. С этим родом педагогической деятельности в широком смысле слова... связывается светлая надежда: пробудить у наших детей дарованный им от природы, но до поры до времени дремлющий вкус к вечно прекрасному; развить и укрепить их национальное чувство, превратить занятия в школе родным языком в любимый, радостный и, значит, наиболее продуктивный труд и, вместе с тем, оберечь чистоту родной речи молодого поколения, вынужденного воспитываться за рубежом Родины, среди опасностей национального обезличения»⁴⁸.

При лицее действовала дружина, организованная по типу скаутской. Вопросы здоровья и физического воспитания постоянно находились в центре внимания администрации и педагогического персонала⁴⁹. «Для улучшения санитарного состояния Лицея и наблюдения за здоровьем воспитанников с начала настоящего года лицейским врачом приглашен популярный в Харбине врач по внутренним и детским болезням Н.Н. Успенский»⁵⁰, — писал «Католический вестник» в 1936 г.

Начиная с 1931 г. воспитанников из города отправляли на летний отдых. Часть из них размещалась на даче, устроенной близ станции Ашихэ, недалеко от Харбина, другую часть принял у себя в усадьбе генерал Д.Л. Хорват в Старом Харбине. В 1933 г. для детского летнего отдыха была приобретена специальная усадьба в поселке Чинхэ.

В эмиграции продолжилась русская традиция празднования Татьянинного дня. «В тесной дружеской обстановке педагоги вспоминали прежние дни своей молодости в России и традиции студенческой Татьяны. Соло и хором пелись «gaudeamus», студенческие и народные песни. Празднование это скрасило наши серые будни на чужбине и заставило перенестись в прошлое, оторвавшись от нынешней эмигрантской жизни»⁵¹, — писал член русской католической общины в 1936 г.

Особый оттенок носило общее празднование Нового года. По русской традиции отмечали его по старому стилю, по юлианскому календарю. Обычно возглавлял праздник директор Лицея иеромонах Иосиф Германович, в праздновании участвовали преподаватели с семьями. Вечером 31 декабря проходил совместный ужин, после которого шли импровизированные выступления. В полночь в лицейском храме служили Новогодний молебен. Потом до двух часов ночи продолжались танцы⁵².

Один из соотечественников писал в 1932 г. с Дальнего Востока в Париж: «Жизнь русской эмиграции в Харбине и в Шанхае сложилась иначе, чем на Западе... многое из духовного наследия Запада им недоступно... культурный их уровень ниже, чем в русском Париже и Берлине. Зато на их стороне преимущества более активной, волевой жизни, обусловленной тем, что они не являются в Китае беженским, случайным элементом, но пионерами русской культуры, завоевавшими ценой многих жертв и усилий определенное и весьма почетное положение. Русское население китайского Дальнего Востока не поглощается местным: благодаря высокому уровню русской цивилизации ему легко отстаивать свою самобытность. Мы живем на Востоке. Мы держим направление на Россию»⁵³.

-
1. Так, в католическом костеле св. Станислава служил о. Владислав Островский, в костеле св. Иосафата — о. Антоний Лешевич. Сведения присланы автору 15.02.05 С.С. Левовско со ссылкой на документ: Описание культурных построек в Харбине // Государственный архив Хабаровского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29. Л. 43; Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 36–62.
 2. См.: *Tretjakewitsch L. Bishop Michel d'Herbigny sj and Russia. Augustinus-Verlag Würzburg, 1990. P. 168–254; Биография протоиерея К.И. Кронина. Б.м., б.г.; Власов ф-Вальденберг В. Краткий*

- очерк развития католического движения на Дальнем Востоке (1925–1935) // Католич. вестн. Харбин. 1935. № 1; *Германович И.* Китай, Сибирь, Москва: пер. с белорус. Мельбурн, 1997. С. 12–13; *Колпинский Д.* Русское католичество на Дальнем Востоке // Китеж. 1931. № 1; *Николаев К.* Восточный обряд. Париж: ИМКА, 1950; Протоиерей Иоанн и протоиерей Константин Коронины — русские католические священники византийского обряда // Сибирская католическая газета. Новосибирск, 2004. № 10. С. 10–11; № 11. С. 15–17, 22; см. также: URL: <http://vselenskiy.narod.ru/coron.htm>.
3. Биография протоиерея К.И. Кронины. С. 5.
 4. См.: *Колпинский Д.* Указ. соч. С. 33.; *Германович И.* Указ. соч. С. 13.
 5. Celso Cardinal Costantini (1876–1958), священник с 1899 г., с 1921 г. епископ, в 1922–1931 гг. апостольский делегат в Пекине. В 1923 г. предпринял попытку визита в Сибирь, посетил Харбин, встречался с православной иерархией, изучал положение русских эмигрантов в Маньчжурii, с 1935 г. — секретарь Конгрегации распространения веры (Propagation of the Faith), издал на русском языке книгу М. д'Эрбиньи «Единство во Христе», с 1953 г. кардинал.
 6. *Николаев К.* Указ. соч. С. 211.
 7. Annuario Pontificio. Citta del Vaticano, 1933. P. 523.
 8. Annuario Pontificio. 1996. P. 1155.
 9. Codex canonum ecclesiarum orientalium.
 10. <http://www.byzcath.ru/library/books/96/>
 11. *Германович И.* Указ. соч. С. 168–169.
 12. *Власов ф-Вальденберг В.* Указ. соч. С. 5.
 13. *Урбан Я.* Указ. соч. С. 6–12.
 14. См.: Да злучэння. 1933. № 5; К Соединению. 1934. № 9–10. С. 17. О. Александр Сипягин (1875–1941) — профессор Харьковского университета, депутат первой Государственной думы, с 1909 г. — католический священник, с 1920 г. в эмиграции. Волконский Александр Михайлович (1866–1934) — полковник, военный агент в Риме с 1908 г., дипломат, публицист, с 1930 г. — католический священник, сотрудник комиссии «Pro Russia», профессор Папского Восточного института.
 15. Семья Катковых приехала в Харбин в 1920 г. из Иркутска. А. Катков (1916–1995) с 1958 г. — епископ, окормлял русских католиков в эмиграции. Г. Брянчанинов родился в 1919 г. в Благовещенске, с 1957 г. проживает в Австралии.
 16. *Осипова И.И.* В язвах своих сокрой меня. М.: Серебряные нити, 1996. С. 105–106.
 17. Там же. С. 106.
 18. URL: <http://www.catholicmartyrs.ru/ru/persons/abrantowicz/article.html>.
 19. *Осипова И.* Указ. соч. С. 107.
 20. URL: <http://www.catholicmartyrs.ru/ru/persons/abrantowicz/article.html>.
 21. *Хільманович У.* Крыж для ушанавання памяці Архімандрита Андрэя Цікоты // Царква. 2003. № 4; Архив Католического университета Люблина (Польша). Дело «Цикото Андрей, архимандрит».
 22. Соч. о. Диодора Колпинского см.: Китеж. 1928. № 1–2, 3–4, 5–6; 1929. № 4–8; *Его же.* Русское католичество на Дальнем Востоке // Китеж. 1931. № 1; Письма о. Диодора Колпинского митрополиту Евлогию (Георгиевскому) см.: ГАРФ. Фонд митрополита Евлогия. Р-5919. Оп. 1. Д. 69. С. 21–24 (6 писем). О нем см.: *Tretjakewitsch L.* P. 56, 171, 181, 188; Благовест. 1930. № 1. С. 163; № 3. С. 147; *Василий, диакон ЧСВ.* Леонид Федоров. Рим, 1966; Истина и жизнь. 1993. № 6.; *Евлогий Георгиевский, митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 529; Католич. вестн. 1935. № 3; *Пурин А.* Венок на могилу отца Диодора Колпинского, 1892–1932: Некролог // Парус. Шанхай. 1932. № 10. С. 126–127; *Парфентьев П.* С терпением мы должны нести крест свой. СПб: Керигма, 2004. С. 256–257.
 23. Соч.: *П.К.П. (Портнягин).* Мысли Св. Терезии Малой. Харбин: Католич. вестн, 1939. 76 с.; Современный Тибет: Миссия Николая Рериха: Экспедиционный дневник П.К. Портнягина (1927–1928) // Армеварта. 1998. № 2. С. 11–116. О П.К. Портнягине см.: *Пешкова Л. В.* Павел Константинович Портнягин: Несколько слов о судьбе харбинского священника, участника Тибетской экспедиции // Ариаварта. 1998. № 2. С. 107–114; *Васильков М.* Люди и судьбы: Биобиблиограф. словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период 1917–1991. СПб.: Петербург. востоковедение, 2003; St. Ursula Russian Catholic Missian Colledge, 1929.

- Harbin; China; Australia, 1998. P. 16, 59–60; *Тюнин М.* Духовно-нравственные издания г. Харбина: Библиогр. очерк // *Хлеб Небесный*. Харбин, 1940. № 11. С. 35–36.
24. «Руссикум» (Pontificium Collegium Russicum) — специальное учебное заведение в Риме, созданное в 1929 г. для подготовки католических священников с целью миссии в СССР и других государствах Восточной Европы.
25. Современный Тибет: Миссия Николая Рериха: Экспедиционный дневник П.К. Портнягина (1927–1928) // *Армеварта*. 1998. № 2. С. 101.
26. См.: *Голованов С.* Архивная работа // *Католич. вестн.* 1935. № 7–8. Текст предоставлен автором (С. Головановым) на электронном носителе (CD).
27. См.: *Католич. вестн.* 1935. № 1.
28. *Германович И.* Указ. соч. С. 3–4.
29. *Католич. вестн.* 1935. № 3. С. 68.
30. URL: <http://www.stmichaelruscath.org/outbound/parishes/lyceum.php>.
31. *Германович И.* Указ. соч. С. 15–16.
32. Там же. С. 16.
33. См.: *Католич. вестн.* 1935. № 3. С. 66.
34. См.: Там же. 1936. № 6–7. С. 164.
35. *Католич. вестн.* 1935. № 3. С. 67.
36. *Колпинский Д.* Русское католичество... С. 36.
37. *Власов В.В.* Отчет // *Католич. вестн.* 1935. № 3. С. 68.
38. *Католич. вестн.* 1935. № 6. С. 139.
39. Там же.
40. Старообрядчество и новообрядчество в Русской церкви // *Католич. вестн.* 1936. № 9–10. С. 143.
41. См.: *Католич. вестн.* 1936. № 9–10.
42. Там же. 1936. № 6–7. С. 164.
43. Там же.
44. Там же. 1935. № 3. С. 72.
45. См.: Там же. 1935. № 4–5.
46. Там же. 1935. № 1. С. 24.
47. Там же. 1935. № 2. С. 48.
48. *Владимирский И.А.* Вступительное слово преподавателя словесности в Лицее, 18 февр. 1935 г. // *Католич. вестн.* 1935. № 3. С. 70.
49. См.: *Католич. вестн.* 1935. № 3.
50. Там же. 1936. № 11. С. 270–271.
51. Там же. 1936. № 1. С. 24.
52. См.: Там же. 1935. № 1.
53. *Голенищев-Кутузов И.* Русская литература на Дальнем Востоке // *Возрождение*. Париж, 1932, 21 янв. С. 3.